

зиции писателей, постольку с необходимостью встал вопрос о дворянском и демократическом варианте русского классицизма. При этом наряду с борьбой вариантов в едином стиле русского классицизма исследователи установили и факты их взаимопроникновения, факты усвоения каждым из них отдельных элементов другого, а также фактов неприятия, отрицания, борьбы с другими элементами.

К концу 30-х годов исследователи накопили достаточно материалов для того, чтобы выдвинуть все более и более затем упрочивавшееся положение, что русская литература XVIII века не исчерпывается одним только классицизмом и «пришедшим ему на сцену сентиментализмом, также заимствованным на Западе», как утверждали досоветские литературоведы. Стало ясно, что уже в конце 50—начале 60-х годов XVIII века в русской литературе начался сперва незаметный, но в дальнейшем усиливавшийся процесс распада классицизма, появления, с одной стороны, тенденций реалистических, с другой — сентиментальных. Стало ясно, что и та, и другая тенденция находится в зависимости от разного отношения русских писателей тех лет к политической борьбе с самодержавием (не как принципом, а как конкретной формой) и крепостничеством. Стало ясно, что накопление реалистических черт в произведениях передовых писателей тех десятилетий XVIII века тесно связано с борьбой последних за интересы народных масс, с их борьбой против жгелиберализма Екатерины II. Так, постепенно было признано, что зарождение элементов реализма в недрах литературы классицизма явилось результатом не «имманентного саморазвития литературы», как утверждали некоторые литературоведы-формалисты, а политической борьбы.

Перечисленные выше положения, к которым пришли исследователи, определили их понимание места русской литературы XVIII века в общеевропейском литературном процессе. Стало несомненным, что дореволюционные представления о «провинциальном» характере русского литературного развития в XVIII веке не отвечают действительности и что русская литература этого периода не только не может и не должна быть признана «отсталой», «повторяющей зады европейского литературного движения», но, напротив, должна быть оценена по достоинству как оригинальное явление, своей политической направленностью и демократическими тенденциями дополняющая европейский литературный процесс.

Примерно таковы основные выводы, которые были сделаны советскими исследователями в изучении литературы XVIII века к концу 30—началу 40-х годов.